

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.004

УДК 396(571.56)"197/200"

«Женские ресурсы» сельской Якутии: к истории общественного активизма 1970-х – 2000-х гг.*

Научная новизна. На фоне сохраняющегося общего дефицита гендерных исследований на материалах Якутии существует высокий спрос на изучение истории сельского женского населения. Отсутствие специальных работ по истории второй половины XX – начала XXI вв. актуализирует анализ истории женского активизма в целом и содержания его ресурсов в частности. В статье предпринята пионерная попытка обозначить контуры развития женского общественного движения в селах республики с фокусом на преемственность его практик в период позднего социализма и первых постсоветских десятилетий.

Целью исследования является реконструкция истории общественной активности в сельской Якутии с использованием женских ресурсов. Для достижения цели поставлены *задачи*: освещение направлений общественной деятельности женщин в период позднего социализма и в постсоветское время; анализ содержания основных советских практик женского активизма с проекцией их продолжения в постсоветское время.

Методы исследования. Использование гендерного подхода в сочетании с ретроспективным и историко-сравнительными методами позволило выявить особенности женского общественного активизма в сельских сообществах Якутии в разные исторические периоды. Для выявления главных направлений и важнейших практик общественной деятельности сельских женщин применен метод историзма; в процессе работы также были использованы методы устной истории и включенного наблюдения.

Результаты. Анализ собранного материала в хронологических рамках 1970-х – 2000-х гг. показал традиции определенной преемственности женского активизма в сельской Якутии, что подтверждается длительным успешным функционированием социальных проектов, инициированных женщинами еще в советское время. Пример их реализации, в частности в сферах здорового образа жизни и работы с уязвимыми группами населения, обнаруживает высокий потенциал «женских ресурсов». Зафиксирован факт общественной мобилизации сельских активисток в кризисный и переходный периоды, когда их опыт, навыки самоорганизации и социальной ответственности сыграли позитивную консолидирующую роль.

Ключевые слова: советская сельская Якутия, человеческие ресурсы, общественный активизм, женщины, коренные народы

*Исследование выполнено в рамках государственного задания ИГИИПМНС СО РАН, проект №121041500279-8 «Азиатская Арктика в XX веке: исторический опыт изучения и реализации ресурсно-природного и человеческого потенциала Якутии».

И. Введение. В 1990-е годы всю Россию «накрыло» высокой волной общественно-политической активности населения: на сцену вышло большое количество политических партий, общественных движений, объединений широкого спектра направленности и содержания деятельности. Якутия как часть России также пережила перестроечные времена подъема общественно-го активизма, в результате которого в регионе появились новые крупные акторы и произошли изменения в палитре публично обсуждаемых общественных проблем. В республике сформировалось общественное движение коренных народов, тесно сотрудничавшее с экологическими объединениями [Григорьев, 2020]. Символическим отражением тех лет представляется то, что в эпоху перестройки на страницах одного журнала «Коммунист» увидели свет две статьи, сыгравшие важную роль в общественном сознании россиян. Это известная публикация «Большие проблемы малых народов» [Пика, Прохоров, 1988] и не менее значимая «Как мы решаем женский вопрос» [Посадская и др., 1989], обозначившие две «болевые точки» общества, где десятилетиями зрели конфликты между декларируемым и реализованным.

Две социальные группы, в советское время считавшиеся благополучными в силу решения всех вопросов, – коренные меньшинства и женское население – оказались в фокусе внимания и дискуссий. В постсоветской Якутии активизировалась женская общественность, как и по всей России [Хасбулатова, 2019]. Если в случае с коренными малочисленными народами первыми стояли проблемы этнической демографии, языков и культуры, экологии и устойчивости традиционной экономики, то относительно женского населения наиболее видимыми и обсуждаемыми оказались вопросы дискриминации в оплате равного труда, состояние здоровья женщин и отсутствие реально равных гендерных возможностей. В 2001 г. республиканская власть официально фиксировала разницу в 34 % в заработной плате у женщин и мужчин в пользу последних¹. Такое положение складывалось в течение десятилетий. Еще в 1930-е годы «женский вопрос»

постигла участь многих других важнейших социальных проблем – «он был провозглашен “решенным”, а стало быть, закрытым для обсуждения...» [Посадская и др., 1989: 56].

Эпоха гласности инспирировала интерес к вопросам роли и места женщин в обществе, к женской истории в Якутии, а последовавший в постсоветский кризис гендерный сдвиг поменял восприятие и оценку статуса полов и на общественно-политической арене. Нельзя не согласиться с утверждением, высказанным на созвучную ситуацию в более ранний период истории, что «сама артикуляция «женского вопроса» в родном отечестве свидетельствовала о симптомах разрушения традиционной культуры, регулирующей отношения между полами, расчленении монолитного «домостроевского» дискурса и плюрализации моделей поведения женщин и мужчин» [Козлова, Рассадина, 2013: 40–41].

Учитывая рамки статьи, нет возможности анализировать литературу, в которой получили освещение региональные гендерные процессы перестроечных и постсоветских десятилетий; основные их контуры в историографии обозначены [Винокурова, 2004, 2019]. С учетом общего дефицита гендерных работ на материалах республики следует признать необходимость исторических исследований, специальных и обобщающих трудов по истории вовлечения женщин в пространство политики и экономики в последней трети XX в. и первых десятилетий XXI в. Указанное актуализирует исследования истории формирования, функционирования и перспектив женского общественного движения в целом и внутреннего «содержания» ресурсов активизма в частности. Существует высокий спрос на изучение сельского женского населения как особой социальной группы, особенно интересны работы, охватывающие длительное время, позволяющее просматривать динамику гендерных изменений [Романенко, 2015]. Нужно отметить, что «сельский ракурс» в исследованиях является одним из востребованных на современном этапе, т. к. подразумевает научное изучение той силы, которая по социальным при-

¹Постановление правительства РС (Я) от 28 февраля 2001 года № 95 «О концепции государственной политики по улучшению положения женщин в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/473509509> (дата обращения 20 февраля 2022 г.).

чинам считается менее активной, чем урбанизированное население. В частности, такое высказывается в публикациях серии «Feminisms and Ruralities» также у ряда исследователей [Копотева, 2016; Basu, Galie, 2021]. В целом сельские жительницы как научный объект относительно мало исследованы, в т. ч. на материалах регионов с полиэтническим населением. Данная статья является пионерной попыткой обозначить контуры развития женского активизма в сельской Якутии, осветить грани его преемственности в период позднего социализма и первых постсоветских десятилетий.

Целью исследования является реконструкция истории использования общественного потенциала сельских женских ресурсов в Якутии 1970-х – 2000-х гг. С этой целью были определены следующие задачи: изучение основных направлений участия сельских женщин в общественной жизни позднего социализма и последующего периода до 2000-х гг.; выявление и анализ основных советских практик сельского женского активизма в республике, сохранившихся в постсоветское время.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты предпринятого исследования на материалах Якутии могут представить интерес для теоретического осмысления богатой и разносторонней истории женского активизма в российских регионах. Аккумулированная в статье информация будет полезной для организаторов и участников современных женских общественных организаций и объединений.

II. Материалы и методы. Поставленные вопросы рассматриваются на материалах республики в хронологических рамках периода последних трех десятилетий XX и начала XXI веков. Базой исследования послужил анализ опубликованных и неопубликованных источников, включая текущие архивы женских общественных организаций; были востребованы полевые материалы автора: прежде всего записи историй жизни, интервью сельских жителей, собранные в улусах (районах) Республики Саха (Якутия) по тематике советской повседневности в 2010-е годы, также материалы автора по гендерным проектам, выполненным в 2001–2018 гг. Изучены и использованы близкие к изучаемой теме

научные публикации. С помощью метода историзма выявлялись главные направления и важные социальные практики женского активизма. Наряду с методом устной истории применен, благодаря длительным контактам с активистами и участию в анализе их работы, метод включенного наблюдения. Гендерный подход, ретроспективный и историко-сравнительный метод позволили выявить особенности женской общественной активности в сельских сообществах Якутии в различные исторические периоды.

III. Результаты. В феминистической историографии на материалах Якутии отсутствуют как обобщающие работы по истории интеграции женщин в общественно-политическое пространство республики, так и специальные исследования в рамках позднего социализма и постсоветского периода. Предметом отдельного научного внимания стали вопросы общественных практик сельских женщин в выбранных хронологических рамках 1970-х – 2000-х гг. Анализ привлеченных архивных документов, собранных авторских материалов показывает общую картину достаточно высокой активности сельских женщин в последние десятилетия социализма, богатство накопленного опыта работы с населением организаций и отдельных женщин-активистов по самым разным направлениям.

На обширной территории республики, несомненно, были локальные различия в масштабах и формах участия в общественной жизни. Так, в арктических поселках, построенных по программам перевода на оседлость, была своя специфика: здесь позже, чем в центральных районах Якутии, образовались женсоветы, начинавшие свою работу с элементарных вещей – с правил коллективной жизни в стационарных поселениях, с пропаганды современных санитарных требований в быту и т. д. Женщин учили участвовать в поселковых культурно-массовых мероприятиях, приобщали к коллективным выходам на субботники [Винокурова, 2019: 212]. Общими для всех женсоветов были программы, нацеленные на «организацию социалистического быта», уровень и качество которого в якутских селах долгое время резко отставали от общесоюзных показателей¹. При отсутствии предприятий сервиса на сельских женщин приходилась

¹Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 45. Д. 1481. Л. 4–6.

громадная нагрузка по быту и домашнему хозяйству, но воспринималось это как обыденная, маловажная рутина. Интеграция женщин в общественное пространство в рассматриваемый период, как и во все советское время, проходила с фокусом на усиленное вовлечение женщин в государственное производство.

Власть целенаправленно и эффективно формировала новый социальный имидж женщин из коренных народов Якутии. Наиболее массовые информационные средства, такие как кино, пресса и литература продвигали образ женщины работающей, имеющей детей и семью, а также активной общественницы. Крупные плановые мероприятия в селах, например, по подведению итогов уборки урожая или завершению промышленного сезона, всегда обязательно подразумевали в списке присутствующих, выступающих и награждаемых женщин-передовиков, символизирующих успешный «контракт работающей матери». Приветствовалось наличие позитивных социальных показателей – наличие детей, соответствующий стандартам «советской семьи» имидж родителей и детей (добросовестная работа, хорошая учеба детей, отсутствие конфликтов с законностью и т.п.). Как вспоминают информанты: «Для работниц предприятий сельского хозяйства или другой сферы было престижно иметь детей, хорошо обучающихся в школе или уже в других учебных заведениях. Осуждалось нарушение членами семьи правопорядка, правил социалистического общежития...»¹.

Сельские женские ресурсы Якутии были неотрывной частью экономики и общественной жизни позднего социализма. Поэтому руководство совхозов и государственных учреждений, сельсоветы и партийные организации сел были заинтересованы в трудовой дисциплине и высокой производительности женщин. Отметим, что в животноводстве, где, в частности, на молочно-товарных фермах женщины составляли основной костяк занятых, в середине 1970-х гг. более 90% работ производилось вручную². При этом работающие на материальном производстве и в других сферах труда были практически все охвачены общественной сетью: попадали в зону вни-

мания профсоюзного, спортивного, хорового, какого-нибудь иного объединения или организации. Но самыми действенными были сельские женсоветы, имеющие возможность контактировать с каждой женщиной, включая домохозяек.

Сельские активисты-женщины, работающие в учреждениях образования и здравоохранения, специалисты аграрной отрасли и учреждений культуры выступали инициаторами различных общественных системных мероприятий. Они собирали женщин во время перерывов на производстве или в редкие часы досуга по разным поводам, в первую очередь по подготовке к советским календарным мероприятиям (День Октябрьской революции, День Советской армии и флота, международный женский день, майские праздники). Информанты часто упоминают об обычной сельской взаимопомощи в 1970–1980-е гг., в которой женщины также играли важную роль: «В нашей деревне был женсовет, который возглавляла местная учительница, по ее команде мы собирались в школе или в клубе, иногда у кого-нибудь в доме. Вместе обсуждали разное, готовились к какому-нибудь мероприятию... Мы пели песни, ставили концерты, проводили выставки рукоделия. Помню, женсовет организовывал нас на субботники для вдов участников войны, инвалидов и одиноких престарелых земляков: помогали с уборкой усадьбы, с дровами»³.

В сельской Якутии в 1970-е гг. произошли ощутимые социально-экономические изменения, связанные с реформами в аграрной сфере. Определенный оптимизм, о котором часто упоминается в историографии, сопровождался также и социальными негативами, влиявшими на атмосферу в якутских селах [История Якутии, 2021: 426, 428]. Женскому активу приходилось приспосабливаться к текущим изменениям, отвечать возникающим новым вызовам. Вновь был мобилизован потенциал женских ресурсов, именно в период позднего социализма закрепилась практика работы сельских женсоветов по микрорайонам, т. н. туелбэ. В каждой туелбэ был свой кружок активисток, который отвечал за всю общественную работу с семьями и женщинами. Между ними устраивалось соревнование по про-

¹Полевые материалы автора (ПМА). Запись в Верхоянском улусе РС (Я). 2013 г.

²Национальный архив РС (Я). Ф. 52. Оп. 40. Д. 236. Л. 7–8.

³ПМА. Запись в Олекминском улусе РС (Я). 2015 г.

изводственным и другим показателям, включая успеваемость детей в школе и приверженность семей здоровому образу жизни¹.

В сельском движении за здоровый образ жизни ключевым стало антиалкогольное движение. Следует признать, что женсоветы и их лидеры были в первых рядах противостояния распространению пьянства и асоциального поведения. Длительная борьба женщин за ограничение торговли алкоголем, за трезвость как норму жизни в селах республики увенчалась появлением пионерных «трезвых сел» во второй половине 1980-х гг. Разумеется, подобные точечные инициативы в годы позднего социализма возникали благодаря отдельным общественникам в самых разных местах Якутии². Но массовыми и, главное, жизнеспособными их сделали именно женщины, которые не только ратовали за зоны трезвости, но и боролись за их сохранение в течение долгих лет. Женские лидеры не только возглавляли движение за трезвость, но и организовали их устойчивость, пропагандировали результаты такого ЗОЖ³.

Женщины первыми добились добровольного объявления безалкогольными ряда сельских поселений, убедив мужчин в позитивности выбора. Движение получило одобрение сельских социумов, очевиден был как краткий, так и пролонгированный эффект существования территорий трезвости. Позитивный опыт сел, где выросло несколько поколений детей, не видевших домашнего насилия и пьяного криминала, уже в постсоветский период получил официальную поддержку. Забегая вперед, нужно отметить, что в 2000-е гг. региональная власть «перехватила» общественную инициативу, возглавив движение ЗОЖ, была разработана «Концепция государственной политики здорового образа жизни в Республике Саха (Якутия) до 2010 года». Право жителей отказываться от алкоголя было законодательно подтверждено республиканским парламентом Ил Тумэн в 2015 г.⁴ Открытым для от-

дельного обсуждения остается вопрос об их реальном «безалкогольном» статусе, но несомненно одно – многолетняя борьба, в первую очередь женского актива, достигла принципиального поворота общественной позиции сельских жителей в пользу ЗОЖ.

В постсоветское время советские «женские» практики адресной работы в туелбэ (сельских микрорайонах) по поднятию уровня культуры быта и внедрению здорового образа жизни, по показателям общественного порядка с одиночками, многодетными или неблагополучными семьями не были утрачены и оставались на повестке. Женские лидеры не отошли от активности в самые тяжелые кризисные годы, возложив на себя функции по социальной консолидации локальных сообществ: на борьбу за здоровый образ жизни, на поддержку молодых семей и охрану детства. Все женские начинания были востребованы в сельских социумах, так, ответом на социальный спрос была активизация сельских клубов «Суорумньу» («Сваты»), которые в «доинтернетовскую» эпоху вели работу по организации знакомства ориентированных на создание семьи людей. Общие контуры процессов того, как женщины при такой общественной активности включились в экономическое выживание и спасение уровня жизни семей, частично отражены в региональной историографии [Винокурова и др., 2004]. Следует признать факт высокой мобилизации потенциала женских ресурсов, принявших на себя волну кризисных ударов по сельской Якутии.

На рубеже веков в республике женщины сыграли большую роль во многих социальных проектах, в т. ч. инициировав организации и поддержку «мужских» мероприятий: например, сельские «Отцовские соревнования» – «Ага курэгэ» по улусам первыми организовали женсоветы в рамках соревнований между туелбэ и селами⁵. При прямом участии активистов женско-

¹ПМА. Запись в Усть-Алданском улусе РС (Я). 2017 г.

²Михайлов Д. Поездка в самое трезвое село Якутии. URL: <https://yakutia24.ru/obshchestvo/46667-poezdka-v-samoe-trezvoe-selo-v-yakutii> (дата обращения 15.03.2022)

³ПМА. Запись в Таттинском улусе РС (Я). 2011 г.; 30 лет без водки: Свою новую историю якутское село ведет со времен Горбачева. URL: <https://sakhapress.ru/archives/220668> (дата обращения 28 февраля 2022 г.)

⁴После трезвых 15 лет якутское село Хордогой решилось узаконить запрет на продажу алкоголя. URL: <https://yakutiamedia.ru/news/475748/> (дата обращения 28 февраля 2022 г.).

⁵ПМА. Запись в Чурапчинском улусе РС (Я). 2017 г.; запись в Таттинском улусе РС (Я). 2018 г.; запись в Амгинском улусе РС (Я). 2019 г.

го движения в 2007 г. была организована республиканская Лига отцов; концептуальной поддержкой на том этапе движения послужили труды исследователей регионального гендера [Протопопов, 2007]. Необходимо указать, что «мужской» активизм также практически «белое пятно» в региональной историографии, за исключением единичных публикаций [Tarasova, 2021]. Высокий уровень общественного женского активизма в 1990-е – начале 2000-х гг. можно объяснить традициями советского времени: сохранившаяся сеть женсоветов с опытными лидерами, обладающими организаторскими навыками, оказалась одной из немногих объединений, готовых к вызовам кризиса.

В годы краха системы и хозяйственной разрухи такие разные женщины – скромные сельские труженицы – остались на своих общественных позициях, организовали женские ресурсы во имя социальной стабильности на локальном уровне, сохранили традиции взаимопомощи и взаимопомощи в критических ситуациях, выполнив свою общественную функцию государственной важности. Так, с 1990 до 2004 гг. Вилуйский районный женсовет возглавляла К.Е. Саввинова, в самые тяжелые времена сплотившая женщин вокруг решения острых проблем: работали с семьями с детьми-инвалидами, многодетными, членами семей отбывших заключение, престарелыми и пожилыми, семьями солдат, служащих в «горячих точках» [Черепанова и др., 2021: 63].

В 1990-е гг. женские активисты взяли на себя ответственность за жизнь в своих социумах: продолжали помогать людям, инициировали новые проекты, поддерживали гуманитарные начинания. Например, в Таттинском улусе одним из первых в 1995 г. был организован Центр социальной помощи семье и детям, ставший одним из опорных пунктов работы с населением. В организации всех культурных мероприятий, в пропаганде ЗОЖ, координации работы на местах с мужчинами, с объединениями отцов бесспорна заслуга бессменного с 1991 до 2016 гг. председателя районного женсовета М.М. Аммосовой [Черепанова и др., 2021: 133–134]. У женсоветов в селах, на которые обрушилась безработица после развала совхозов, когда семьи столкнулись с беспрецедентными вызовами, было много «черновой», порой неблагодарной

работы. В этом свете личный опыт каждой участницы и организатора работы заслуживает специального изучения. К настоящему времени идет аккумуляция информации о деятельности лидеров и активистов женского движения республики в целом [Женщины Якутии, 2005, 2021].

В постсоветское время женщины расширили свое участие в общественной жизни, став участниками массовых движений различного характера: от профессиональных объединений до клубов по личным интересам и хобби. Общественницы часто выступали в роли организаторов и лидеров инициатив с инновационным посылом, например, было образовано движение сельских женщин «Алаас хотун» с эко-культурным компонентом в основной деятельности под руководством И.П. Матвеевой. Действительно, можно говорить о высокой адаптивности «женских ресурсов», предопределившей лидирующие позиции женщин коренных народов Якутии в общественном активизме [Григорьев, 2018: 179].

Отдельным, на сегодня малоисследованным аспектом данного феномена является участие женщин республики в этнокультурных движениях и объединениях. Касательно «этнического компонента» в целом гендерном поле Якутии, включая женский общественный активизм, он затрагивался в упомянутой здесь историографии лишь фрагментарно. К примеру, интересен и нуждается в компаративном анализе факт доминирования этнической составляющей в самоидентификации над иными социальными, включая гендерную принадлежность, отмеченный у активисток-представительниц коренных малочисленных народов Севера Якутии [Винокурова, 2019]. При этом нужно признать, что возможности самореализации у женщин по сравнению с советским периодом бесспорно расширились: об этом свидетельствуют варианты и траектории развития современного женского активизма.

IV. Обсуждение. В региональной историографии освещены основные этапы вовлечения женщин Якутии в производственную и общественную сферы на разных этапах социально-экономического развития республики, но при этом почти никогда не анализировались истоки, организация и содержание их активизма. Призванное стать частью советской системы женское движение республики изначально было

инициировано государством и пользовалось его всемерной поддержкой. Женщин-лидеров продвигали по служебной лестнице, наиболее результативных по профилю деятельности включали в номенклатурный резерв. Организованная сельская женская масса выступала дисциплинированной, хорошо управляемой общественной силой, успешно используемой в интересах государственной политики. Интересно, что данный советский подход к женским ресурсам, практика контролируемого привлечения их к государственным кампаниям различного уровня, к избирательным в первую очередь, сохранились не только в первое постсоветское время, но и продолжают функционировать. Однако тема подобной «ведомой» позиции практически отсутствует в региональном общественном и научном дискурсе.

В 1925 г. на Первом съезде трудящихся женщин Якутии первые лица республики и руководители основных ведомств (все – мужчины) выступали перед 87 делегатками, из которых 36 не умели читать и писать. Официальный патернализм в гендерной политике тех лет очевиден, но прошел почти век, а модель взаимоотношений в тандеме «власть и женщины» видоизменилась мало, оставшись несимметричной. Наши информанты из сельских сообществ в 2000-е гг. отмечали, что после периода высокой востребованности женских ресурсов в 1990-е и в начале «нулевых», по их мнению, интерес к женскому движению у представителей власти заметно снизился. Но при этом сельский женский актив регулярно призывается к реализации государственных мероприятий, как и прежде. В этом направлении требуется отдельный анализ вопроса эволюции отношений власти и женских ресурсов республики.

Дискуссионной остается также проблема представительства женщин в высших органах власти. В постсоветский период уже третье десятилетие публично обсуждается слабое продвижение женщин в верхние управленческие эшелоны: женские съезды республики включают в резолюции пункт о необходимости преодоления гендерной дискриминации на всех уровнях. Сторонники увеличения количества прини-

мающих решения женщин часто апеллируют к советской истории, когда существовавшие квоты позволяли якутянкам всех этнических групп присутствовать в законодательной и исполнительной власти. В 1938 г. женщины составляли 23 % депутатов Верховного Совета Якутии¹, что близко к современным гендерным требованиям. По итогам же выборов 2018 г. в число 70 депутатов Ил Тумэн вошли всего 12 женщин, одна из них выбыла добровольно в марте 2020 г., в результате женщины-парламентарии обладают лишь 15,9 % мандатов.

V. Заключение. В статье поставлены и решены конкретные задачи, позволяющие закрыть отдельные «белые пятна» в изучении женской истории республики. На основе анализа женского общественного активизма в поздний советский период выявлено, что был накоплен богатый опыт работы с сельским населением, востребованный и использованный в постсоветские годы. С высоты сегодняшнего дня видно, что в девяностые годы XX в. и в начале XXI в. в сельской Якутии были успешно осуществлены как продолженные, так и новые социальные проекты. Необходимо отметить, что в критические годы именно наличие в «строю» женщин-лидеров с многолетним багажом знаний и организационных навыков, с бесспорным личным авторитетом способствовало сохранению масштабов и направлений общественной активности. На примере отдельных социальных проектов, в частности, реализации женщинами программ ЗОЖ, показан потенциал женских ресурсов, жизнеспособность социальных практик женского активизма в сельской Якутии.

Подтверждается тенденция устойчивости и позитивности вектора развития тех сельских сообществ, где в изучаемый период ведущую или очень значимую роль играли группы общественных активисток. Советские «женские» практики адресной работы в сельских микрорайонах по поднятию уровня культуры быта и внедрению здорового образа жизни, по показателям общественного порядка, по работе с одинокими, многодетными или неблагополучными семьями – оставались на повестке и в постсоветское время. Следует признать факт высокой

¹ Выборы депутатов Верховного Совета Якутской АССР первого созыва 26 июня 1938 года. URL: <http://yakut.izbirkom.ru/news/2984/> (дата обращения 28.02.2022).

мобилизации потенциала женских ресурсов, принявших на себя волну кризисных ударов по сельской Якутии. Можно сказать, что советский багаж навыков самоорганизации и социальной ответственности якутянок сыграл свою амортизирующую болезненность вызовов и консолидирующую сообщество роль в переходный период. Позже социально-экономические процессы изменили многое, включая и социальное поведение женщин, направления их деятельности. Сформировались новые характеристики состава участниц общественного активизма, научный анализ и всесторонняя оценка содержания этих изменений еще предстоит.

Список литературы:

Винокурова Л.И. Женские общественные организации Якутии во второй половине XX – начале XXI веков // Научный диалог. 2019. № 1. С. 209–222. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-209-222>

Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мясиканова Э.Т. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. 206 с.

Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии (конец 1980-х – 1990-е гг.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 129 с.

Григорьев С.А. Этнический активизм и гендерные стратегии: женщины в общественном движении коренных малочисленных народов Севера в Якутии в конце XX века // Научный диалог. 2018. № 11. С. 172–182. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-172-182>

Женщины Якутии [Авт.-сост. И.И. Антипина и др.; отв. ред. Л.И. Винокурова]. Т. 1. Конец XIX – I половина XX вв. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 114 с.

Женщины Якутии [Авт.-сост. Л.И. Винокурова и др.; отв. ред. Л.И. Винокурова]. Т.2. Вторая половина XX в. Якутск: Типография СМИК, 2021. 160 с.

История Якутии: в 3 томах [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; редакционный совет: А.С. Николаев, А.Н. Жирков, С.В. Местников и др.]. Т. III. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.

Козлова Н., Рассадин С. Дискурсивные эффекты модернизации: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // Власть. 2013. №12. С. 40–44.

Копотева И.В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 142–166.

Пика А.И., Прохоров Б.Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 76–83.

Посадская А.И., Римащевская Н.М., Захарова Н.К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С.56–65.

Протопопов С.С. Проблемы современного отцовства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1. С. 273–275.

Романенко И.В. Трансформация статуса белорусской сельской женщины в XX – начале XXI вв. Минск: Белорусская наука, 2015. 201 с.

Хасбулатова О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14–26.

Черепанова А.П., Кириллина В.И., Андреева А.Е. Женское движение Якутии: от истоков в будущее. Якутск: Типография СМИК, 2021. 276 с.

Basu P.; Galiè A. Introduction to Special Issue: Gender and Rural Development: Sustainable Livelihoods in a Neoliberal Context. Sustainability. 2021. № 13 (21). 12258. <https://doi.org/10.3390/su132112258>

Tarasova Z. All-Male Warrior Dances and Men's Groups. Coping with the Decline of Manhood and Immigration in the Sakha Republic (Yakutia). Sibirica. Vol. 20. № 2. Summer 2021. Pp. 1–26. <https://doi.org/10.3167/sib.2021.200202>

References:

Basu P.; Galiè A. Introduction to Special Issue: Gender and Rural Development: Sustainable Livelihoods in a Neoliberal Context. Sustainability, 2021. № 13(21). 12258. <https://doi.org/10.3390/su132112258> (In English)

Cherepanova A.P., Kirillina V.I., Andreeva A.E. *Zhenskoye dvizheniye Yakutii: ot istokov v budushcheye* [Women's movement of Yakutia: from the origins to the future]. Yakutsk: SMIK Print. LLC, 2021. 276 p. (In Russian)

Grigoryev S.A. *Etnicheskiy aktivizm i gendernyye strategii: zhenshchiny v obshchestvennom dvizhenii korennykh malochislennykh narodov Severa v Yakutii v kontse XX veka* [Ethnic activism and gender strategies: women in social movement of indigenous peoples of north in Yakutia in late 20th century]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2018. № 11. Pp. 172–182. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-172-182> (In Russian)

Grigoryev S.A. *Obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye korennykh narodov Yakutii (konets 1980-kh – 1990-ye gg.)* [Socio-political movement of the indigenous peoples of Yakutia (late 1980s – 1990s)]. Novosibirsk. 2020. 129 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii [History of Yakutia]. In 3 volume. T. III. Novosibirsk: Science Publ., 2021. 592 p. (In Russian)

Khasbulatova O.A. Zhenskoye dvizheniye v sovremennoy Rossii [Women's movement in modern Russia]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2019. №3. Pp. 14–26. (In Russian)

Kopoteva I.V. Grazhdanskoye obshchestvo i grazhdanskaya aktivnost' sel'skoy Rossii [Civil society and civic activity in rural Russia]. *Krest'yanovedeniye* [Peasant studies]. 2016. Vol.1. № 1. Pp. 142–166. (In Russian)

Kozlova N., Rassadin S. Diskursivnyye efekty modernizatsii: "zhenskiy vopros" kak mekhanizm integratsii zhenshchin v obshchestvo moderna [Discursive effects of modernization: "Women's question" as a mechanism for women's integration into modern society]. *Vlast* [Power]. 2013. № 12. Pp. 40–44. (In Russian)

Pika A.I., Prokhorov B.B. Bol'shiye problemy malykh narodov [Great problems of small peoples]. *Kommunist*. 1988. № 16. Pp. 76–83. (In Russian)

Posadskaya A.I., Rimashevskaya N.M., Zakharova N.K. Kak my reshayem zhenskiy vopros [How do we solve the female's issue]. *Kommunist*. 1989. № 4. Pp. 56–65. (In Russian)

Protopopov S.S. Problemy sovremennogo otsovstva [Problems of modern paternity]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the RSPU named after Herzen]. 2007. № 43-1. Pp. 273–275. (In Russian)

Romanenko I.V. Transformatsiya statusa belorusskoy sel'skoy zhenshchiny v XX – nachale XXI vv. [Transformation of the status of the Belarusian rural

woman in the 20th – early 21st centuries]. Minsk: Belarusian Science, 2015. 201 p. (In Russian)

Tarasova Z. All-Male Warrior Dances and Men's Groups. Coping with the Decline of Manhood and Immigration in the Sakha Republic (Yakutia). *Sibirica*. Vol. 20. № 2. Summer 2021. Pp. 1–26. <https://doi.org/10.3167/sib.2021.200202> (In English)

Vinokurova L.I. Zhenskiye obshchestvennyye organizatsii Yakutii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI vekov [Women's public organizations in Yakutia in the second half of 20th – beginning of 21st centuries]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2019. № 1. Pp. 209–222. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-209-222> (In Russian)

Vinokurova, L.I., Popova A.G., Boyakova S.I., Myarikyanova E.T. Zhenshchina Severa: Poisk novoy sotsial'noy identichnosti [Woman of the North: the search for a new social identity]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 205 p. (in Russian)

Zhenshchiny Yakutii. T.1. Konets XIX v. – I polovina XX v. [Women of Yakutia. Vol. 1: The end of the 19th – the first half of the 20th centuries] (ed. Vinokurova L.I.). Yakutsk: Sakhapoligraphizdat, 2005. 114 p. (In Russian)

Zhenshchiny Yakutii. T.2. Vtoraya polovina XX v. [Women of Yakutia. Volume 2. Second half of the 20th century. Edit by L.I. Vinokurova]. Yakutsk: SMIK Print. LLC. 2021. 160 p. (In Russian)

L.I. Vinokurova

“Female Resources” of Rural Yakutia: on the History of Social Activism in the 1970s – 2000s.

Scientific novelty. Against the background of the general shortage of gender studies based on the materials of Yakutia there is a high demand for studying the history of the rural female population. The absence of special works actualizes the analysis of the history of women's activism in general and the content of its resources in particular. The article makes a pioneering attempt to outline the contours of the development of the women's social movement in the republic, focusing on the continuity of its practices in the period of late socialism and the first post-Soviet decades. *The aim* of the study is to reconstruct the history of social activity of 1970s – 2000s in rural Yakutia using women's resources. To achieve the aim, the following *tasks* were set: highlighting the areas of social activity of rural women in the period of late socialism and in the post-Soviet period; analysis of the content of the main soviet practices of women's activism with a projection of their continuation in the post-Soviet period. *Research methods.* To identify the main areas of social activity of rural women, the most important practices, the method of historicism was applied. In the process of work, the method of oral history and the method of participant observation were in demand. The use of a gender approach in combination with retrospective and historical-comparative methods made it possible to identify the features of women's social activism in rural communities of Yakutia in different historical periods.

Results. The analysis of the collected material in the chronological framework of the 1970s – 2000s showed the traditions of a certain continuity of women's activism in rural Yakutia which is confirmed by the long-term successful

functioning of social projects initiated by women back in Soviet times. An example of their implementation, in particular, in the areas of a healthy lifestyle and work with vulnerable groups of the population, reveals the high potential of “female resources”. The fact of mobilization of rural female activists during the crisis and transition periods, when their experience, skills of self-organization and social responsibility played a positive consolidating role was recorded.

Keywords: Soviet rural Yakutia, human resources, social activism, women, indigenous peoples